

УДК 165-053.6+81-25

С.П. Онуприенко*д-р филос. наук, ведущий науч. сотрудник Института философии НАН Беларуси**e-mail: centr.evrissl@yandex.by***ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
СТАНОВЛЕНИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ
ТВОРЧЕСКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ОРИЕНТИРОВ УЧАЩИХСЯ**

Предпринята попытка научного исследования теоретико-методологических, историко-этнографических характеристик становления речевой деятельности и речевой культуры в процессе формирования человеческой цивилизации на разных этапах в динамике социальных событий древнего мира. Отмеченная проблема рассматривается в контексте сензитивно-социального анализа становления творческо-познавательных ориентаций подростково-юношеской категории белорусской молодежи. Предложено авторское видение и соответствующие рекомендации совершенствования речевой практики учащихся, методы активизации творческого потенциала учащейся молодежи.

Введение

В первой четверти XXI столетия как никогда ранее активизируется динамизм многообразия тенденций социального развития, проявляющийся в обострении межнациональных, межклассовых, внутрисемейных и иных противоречий современного мира. Это наиболее отчетливо просматривается в сюжетах европейского и мирового в целом театра событий последнего десятилетия. Негативизм характеризуется, по моему мнению, не «злой природой» человека, как отмечал в свое время И. Кант, а, скорее, отсутствием, неразвитостью соответствующих методик изучения психофизиологических особенностей человека, несвоевременными и откровенно неконструктивными подходами в деле стабилизации и реализации лучших образцов познания, совершенствования внутреннего мира наших соотечественников.

В этой связи на повестке дня в работе современных ученых, педагогов, просветителей, специалистов многофункциональных социальных служб закономерно активизируются вопросы конструктивного психофизиологического развития наших детей и молодежи и прежде всего проблемы становления их творческого потенциала. Данный процесс органично связан с механизмами формирования и совершенствования речевых функций молодых людей в роли стимуляторов всего комплекса их интеллектуально-физического и духовного развития.

Нами предпринята попытка рассмотрения философско-исторических оснований становления речевой деятельности, речевой культуры в соответствии со спецификой психо-физиолого-интеллектуального развития (сензитивный аспект). Данный процесс имеет целью выявление стимулирующих философско-методологических и методико-педагогических способов активизации поисково-мыслительных операций в содержании творческо-познавательных подходов, что способствует последовательному формированию основ позитивных креативно-ценностных ориентаций молодых людей.

Цель исследования – рассмотреть диалектическую взаимосвязь специфики речевой деятельности молодежи и активизирующие факторы ее ориентации в области творческо-познавательной активности.

В рамках данной цели решаются следующие задачи:

- 1) рассмотрение философско-исторических оснований становления речевой деятельности в процессе эволюции цивилизационного развития;
- 2) анализ речевой практики в контексте специфики психофизиологической деятельности (сензитивный аспект);

3) характеристика активизирующего воздействия уровня развития речевой деятельности учащейся молодежи на становление творческо-познавательных ориентаций.

Речевая деятельность активно воздействует на биолого-социальную природу подрастающих поколений в контексте динамики возрастных, демографических, созидательно развивающих отношений. В процессе психоинтеллектуального и физического развития четко прослеживается баланс социально-биологических составляющих, нарушения которых чреваты необратимыми последствиями для нации, человечества в целом. Выдающийся психолог и философ XX в. Л.С. Выготский мудро предупреждал о сроках биопсихологического созревания организма юного человека, препятствуя непродуманным акциям ускоренного «взращивания» деятелей советской интеллигенции из рядов рабоче-крестьянской среды в первые пятилетки советской власти. По его мнению, потребуется не одно десятилетие, прежде чем малограмотные рабочие, крестьяне смогут серьезно осмыслить достижения отечественной и мировой культуры и вносить посильный вклад в развитие национальной экономики, образования, просвещения. Он считал определяющим фактором невозможность нормального овладения языком, а значит, и элементами интеллектуально-физического совершенства (т.е. творческого потенциала) вне учета естественно-природных, антрополого-физиологических и педагогико-воспитательных факторов развития организма ребенка [1, с. 235–251].

Известные зарубежные психологи (М. Монтессори, Р.Л. Солсо и др.) отмечают закономерное явление, которое характеризуется тем, что становление языковых навыков произношения, написания и др. имеет отличительную особенность детского восприятия, содержательно включающую творческий элемент, называемый в психологии и логопедии «контур интонации», характеризующий непосредственную связь языковой практики с моторикой. Научные наблюдения свидетельствуют: «дети начинают говорить не раньше и не позже, чем достигают определенной стадии физического созревания» [2, с. 355–356]. Фактически именно в переходный процесс от восприятия, т.е. созерцательно-чувственного познания окружающего мироздания, основанного на механизмах аналитического действия, к системно-целостным, логически увязанным представлениям обоснованно использовать разнообразные разговорно-звуковые ритмические упражнения. Особенно активизирующее значение данная методика приобретает в играх, отдыхе, учебной деятельности, в семье, способствуя становлению независимых суждений и собственных познавательных ориентаций детей и подростково-юношеской категории молодежи.

Впервые на эти обстоятельства обратил внимание еще в 20–30-х гг. XX в. известный психоаналитик и педагог В. Штерн, на основании многочисленных экспериментов и наблюдений выявивший периодизацию благоприятных и неблагоприятных временных отрезков [3, с. 97]. Ученый подметил интересный факт: после годовалого периода ребенку свойственны звукоподражание и преобладание звуковых двигательных реакций. В такой обстановке он уже пытается сообщить о своих впечатлениях об окружающем мире, т.е. реагирует на слова мамы, некоторых близких родственников, активно «обозначает» звуками игрушки, иные предметы, их цветовые гаммы, размеры и т.д. На следующем этапе жизненной практики, уже к двум годам и позднее, малыш отличается «внезапным нарастанием запаса слов, пробуждением осознания значения речи, окончанием стадии однословного предложения» [3, с. 97]. Такое состояние речевых функций В. Штерн сравнивал с результатами многочисленных, но, как правило, несистемных исследований педагогов и иных ученых XVIII–XIX вв., вычленив у всех общие устойчивые признаки развития познавательно-речевых показателей [3].

Кроме того, ребенок начинает все чаще вслух проговаривать отрывистыми фразами, т.е. речевой компонент помогает реализации творческих замыслов, простых ма-

нипуляций с предметами, как бы обосновывая, объясняя, комментируя себе самому необходимость выполняемой работы. Вне сомнений, первичные элементы творчества планируются, корректируются, имеют некоторые зачатки синтезирующих логических целевых установок именно благодаря речевой поддержке, стимулирующей приращение поисково-созидательных вариантов расширения кругозора ребенка.

Ученые разных поколений отмечают закономерные факты традиционности, преемственности в становлении и развитии функций речевой деятельности, в том числе и культуры, в контексте целенаправленного формирования творческих способностей людей. Краткий исторический экскурс позволяет проанализировать, каким образом искусственная среда обитания, создаваемая древними поколениями, не только преобразовывала природные ландшафты, акватории, рельеф и т.п., но и стимулировала развитие психоинтеллектуальных способностей, т.е. творческого потенциала самого человека. По мнению историков и этнографов, этот процесс начался примерно в 8 и продолжался до 3-го тысячелетия до н.э. – в эпоху неолита. «Решающую роль играло здесь творчество; оно осуществляется только субъектом, т.е. людьми (а не животными, не машинами; не Богом и т.д.)» [4].

Отмеченный начальный этап становления и развития человеческой цивилизации стал для наших предков своеобразным революционным вызовом устоям прежней жизни, требованием незамедлительного освоения иных видов деятельности, характеризующихся большей свободой в режиме временных, климатических, сезонных, территориальных и др. возможностей планирования предстоящих действий. Несомненно, данное обстоятельство нельзя назвать иначе, как грандиозный прорыв, продвижение, заставившее перестраивать весь комплекс жизненных традиций, целей, задач, сформулированных новой эпохой, эмоционально названной английским ученым Дж. Меллартом [5] неолитической революцией. Она способствовала в далекой древности созданию человеком дифференцированных сред обитания за счет природной среды – освоению целенаправленно организуемых новшеств в производственной деятельности на земле и с животными. Данный исторический период чрезвычайно важен был для племенных сообществ, а тем более и для нынешних людей, которые сейчас существуют именно благодаря формам и методам хозяйствования древних, отчего они смогли в те трудные времена не только выжить, но и оставить потомство, т.е. фактически нас, да еще предложить наиболее оптимальные способы пропитания. Между тем до них люди применяли так называемую присваивающую форму ведения хозяйства, что ограничивалось исключительно сбором того, что выросло в дикой природе, плюс к тому – охота, рыболовство. Новая эпоха позволила планомерно заготавливать семена, хранить, затем засеивать, ожидать всходов и, наконец, собирать урожай в определенные периоды годового цикла. Кроме того, возникла необходимость приручить животных – осуществлять ряд длительных по срокам операций «одомашнивания», тем самым обеспечивая себя пищевыми запасами на месяцы и годы (производящая форма хозяйства). Нетрудно догадаться, что переход на новые условия организации жизни позволял уже не слишком сильно зависеть от удачной охоты, а чередовать ее с более надежными способами добывания пищи. У людей того времени возникли своеобразные «форточки» в их основной занятости, что они стали использовать в качестве обращения к искусству, а значит, к возможности передавать информацию о той же охоте, приручении диких тварей, выделке шкур, разнообразии животного мира и т.п. вокруг их племенного очага. Именно свободное время и желание сообщить о себе, своем жизненном укладе однозначно и явилось той первоосновой письменной речи.

Вместе с тем необходимо напомнить о том, что возникновение письма явилось не первопричиной, а следствием формирования наиболее общих звуко-речевых признаков как таковых. Появление же речи, осмысливаемое в тесной связи с познанием антро-

погенеза, стало своеобразным критерием становления наших древних предков как существ мыслящих, характеризующих новую эру эволюционного развития. И хотя проблема возникновения речи и слова далеко не лишена «белых пятен», объективно время ее зарождения значительно отдалилось. Принято считать эту дату примерно в 40 тыс. лет тому назад, что фактически соответствует появлению *Homo sapiens*. Археологические и иные данные последнего десятилетия существенно скорректировали временной показатель, выдвинув инновационную концепцию так называемого акселерированного потомка кениантропа плосколицего (3,5–3,2 млн лет назад), по мнению мировых специалистов, впервые использовавшего звуковой тембр человекоподобного существа в качестве первоначатков речевой деятельности. «Судя по тому, что у кениантропа с озера Рудольфа (который появился около 2,6 млн лет назад) имелись развитые зоны Брока и Вернике в левом полушарии головного мозга, которые управляют членораздельной речью, он овладел вербальным (звуковым) языком современного человеческого типа» [6, с. 180]. Язык и речевые признаки этого кениантропа называют языком Руди и соответствуют периоду демографического подъема и первой «технологической» (олдувейской) революции. Эти артефакты обнаружены в нескольких районах Эфиопии (2,58–0,15 млн лет назад), орудия олдувейцев еще достаточно примитивны [7]. Например, «чопперы» (односторонние, двусторонние рубящие орудия), протобифасы (ядрища, с двух сторон которых снимались отщепы) [6, с. 180]. По мнению антропологов, археологов и др., вместе с появлением новых орудий труда активизируется наскальная живопись, всевозможные знаковые отметки и обозначения, что свидетельствует о начале нового этапа в эволюционном развитии человека.

Исходя из вышеотмеченного, следует закономерное подтверждение реальных предпосылок возникновения речевых функций, а позднее и письменной формы языка:

1) наличие орудий труда, пусть еще грубых, не всегда еще четко оформленных, предполагающих специальные действия по их обработке (в отличие от случайных предметов, используемых животными), и соответствующие действия по их использованию;

2) совместное, т.е. коллективное, их использование (поскольку они обнаружены в стоянках, что никогда не свойственно животным);

3) продолжение и совершенствование в историческом времени самих орудий труда с «учетом начала», т.е. на основе использования навыков обработки камня, о чем свидетельствует, в частности, ашельская технологическая революция (1,6 млн лет назад), внесшая принципиально новые приемы, но сохранившая технические олдувейские наработки [8, с. 72], и дальнейшее совершенствование их в среднем и верхнем палеолите, т.е. продолжение во времени и историческом развитии совершенствования «каменной индустрии»;

4) объективно формируемое отношение (предполагающее и общение), реально фиксируемое в целенаправленном изготовлении предметов – орудий труда, в совершенствовании их в дальнейшем (как сохранение тенденций), в выявляемом способе действия, в определении значения (и назначения) используемых предметов (орудий труда), в понимании их, без чего не могла бы осуществляться деятельность (внутренняя и внешняя) по специальному способу изготовления этих орудий, без чего также не возникла бы возможность и необходимость использования последних соответствующим образом (в том числе сообща, судя по наличию олдувейской стоянки) и возможность передачи опыта и орудий труда (другому) другим и в историческом времени (при отмечаемом их техническом улучшении) [6; 7].

И хотя имеющиеся данные о наиболее ранних (олдувейских) этапах антропогенеза и в связи с этим зарождении речевых функций и мышления в целом весьма скудны, имеющиеся материалы фиксируют новый этап речемыслительной эволюции наших предков.

Таким образом, на этапах неолитического периода древние люди не только овладели природными ресурсами, но и смогли последовательно создавать различные варианты социально-племенной жизни, которые они наряду со сценами охоты, землепашества, сражений за скудные богатства своего народа с чужаками и многое другое сообщали посредством звуковых сигналов, а затем и простых слов, предложений, а также регулярно «записывали» в виде наскальной живописи, творчески оформляя языком фресок колоритное художественно-графическое речевое послание. Наверняка, так они хотели отметить, выделиться среди иных племен и народностей. Более того, чем выше был уровень эволюционного развития, тем красочней и содержательней были их речевые изложения, иногда на сотни метров расписывающие своды пещер, горных расщелин, скальных «карманов» и иных доступных для речевого творчества мест в среде обитания. Например, по данным раскопок археологов, в 8 тысячелетии до н.э. (период Халафа) в Северном Ираке действовали специализированные печи для обжига керамики [9], что было засвидетельствовано также в изображениях на стенах, да и на печах тоже были оставлены «исторические автографы».

Кстати, как свидетельствуют исторические источники, в древности слово, звуковая, разговорная речь в целом обладали высоким статусом. Данное состояние объясняется рядом причин. Прежде всего, подавляющим большинством малограмотного и вообще неграмотного населения, не умеющего писать и читать, что характерно в наши дни для многих стран Азии, Африки, Латинской Америки. Далее, исходя из первой причины, значительно возрастал статус образованных представителей, умевших красиво говорить. Наконец, большинство произведений восточного эпоса, весьма чтимых народом, словесно передавались из поколения в поколение, часто зачитывались оракулом, махатмой, проповедником перед скоплением людей, к тому же подобные труды имели в содержании ярко выраженный акцент не на размышление, осмысление, а на аксиоматическую достоверность, веру, неоспоримость оглашаемой информации. Как правило, такие выступления сопровождались эмоциональным подъемом, представляя настоящее театральное шоу. Индолог М.Ф. Альбедиль отмечает, что древняя индуистская культура была словоцентрична. Первичное Слово «неукоснительно воспринималось как высшая реальность, облекалось плотью и вопрошалось в разворачивающемся Мире, который, как порой кажется, всегда осознавал свою глубинную зависимость от слова» [10].

Итак, в древние времена слово, словоизречение имели особый статус, причем устное слово считалось более действенным, чем письменное, в силу того, возможно, что устное слово обладало большим набором смыслов. Притом смысловая структура устного слова в отличие от письменного обладала большими внутренними возможностями для постоянного расширения смысловой структуры. Видимо, в этом следует видеть объяснение того, что в древние времена тайные знания передавали изустно [11, с. 108–109].

По поводу важности социально-речевых функций в жизни древних известный советский педагог и психолог С.Л. Рубинштейн писал: «Человеческое бытие – это не частность, допускающая лишь антропологическое и психологическое исследование... Поскольку с появлением человеческого бытия коренным образом преобразуется весь онтологический план, необходимо видоизменение категорий, определений бытия с учетом бытия человека, включая речевую культуру...» [12, с. 259].

Закономерно бытие человека, как отмечено ранее, определялось не только спецификой хозяйственной деятельности, но и умственными, физическими усилиями в сфере социальной организации жизни, т.е. сменой аграрно-производственных форм и, следовательно, методами передачи знаний, умений, навыков своим соплеменникам, а также более поздним поколениям. Здесь необходимо выделить еще один важный аспект – знаковую природу сознания, т.е. передачи информации через изображения, что было характерно до процесса становления либо в процессе становления речевого пери-

ода человеческого развития. Особое внимание данному процессу уделил Л.С. Выготский, подчеркивая знаковую природу, как предвестника речевого общения, а вместе с ним и роль знаков как «орудий» в происхождении высших психических функций из натуральных, биоприродных. В свою очередь, А.Ф. Лосев уделил внимание рассмотрению природы знака в содержании передаваемых потомкам изображений, а позднее – в мифологическом творчестве. Он подчеркивал его синкретичность, то есть слитность в мифе обозначаемого и обозначенного, что в полной мере относится и к древним фрескам [13]. Это сущностное единение содержательных начал составляет, по мнению всемирно известного швейцарского психолога и философа XX столетия, основателя «аналитической психологии» К. Юнга, глубинные корни личностной идентичности, носящие экзистенциальный характер [14], безусловно, синкретичность – путь становления высших функций сознания, а именно – ценностных ориентаций, где речь играет далеко не последнюю роль.

Таким образом, уроки прошлого напоминают о недопустимости одностороннего развития нашей молодежи, включая повальное увлечение компьютерами. Молодежь все же обращается к книгам, справочникам, энциклопедиям, словарям, реже старается информацию фиксировать письменно на бумаге. Чаще она фотографируется на камеру телефона. Иными словами, подобно древним охотникам мы уверенно возвращаемся к знаково опосредованному, абстрактно-схематическому освоению мира. Однако скотоводы неолита не владели в должной мере речью и письмом, в то время как нынешнее молодое поколение всячески старается забыть об этом, упростив до невозможности контакты с природной средой, доверяясь аналогам абстрактной компьютерной графики. Эти негативные тенденции требуют безотлагательного решения, о чем в 30-х гг. XX в. говорил Л.С. Выготский. По его мнению, тройственный фактор развития, включая различные формы речевой деятельности, затем – активизацию творческих инициатив и, наконец, методы детской моторики – своеобразные реализаторы стабилизации психофизиологии детей, молодежи, развития их творческого потенциала.

Подтверждение тому – наблюдения итальянского педагога М. Монтессори, одной из первых в мировой практике описавшей активизирующую речевую (сензитивную) периодизацию и заявившей, что в 4,5–5 лет у детей разных европейских регионов наблюдается наивысшее плодотворное использование письменной речи, которое никогда не наблюдается в последующем возрасте. М. Монтессори пришла к выводу, что такое благоприятное сочетание психофизиологических и интеллектуальных составляющих дает уникальную возможность развития, с одной стороны, творчески-познавательных предпосылок становления основ природно-социальной системно-целостной картины мира. С другой стороны, именно в этом раннем возрасте целесообразно обучать детей методам письма, т.к. этот процесс значительно сложнее становления фонем разговорной речи. Одновременно М. Монтессори на основании многочисленных результатов психосоциальных исследований подтвердила, что в подростково-юношеском возрасте (16–19 лет) наступает второй этап активизации, что, несомненно, способствует исправлению речевых дефектов раннего детства и вдохновляет молодых людей на творческий поиск. Здесь же с полным правом можно говорить не только о развитии речевой деятельности, но более того – об аспектах речевой культуры человека.

Тройственный фактор, отмеченный Л.С. Выготским, как никогда кстати характеризует закономерную связь нашей жизнедеятельности с природно-физиологическими особенностями окружающей природной (животной, растительной) среды и в значительной степени зависимость от них организма каждого из нас. Наиболее системно-функционально принцип взаимосвязи эколого-социальных тенденций нашел воплощение в концепции социально-органических и социально-организационных принципов связи, выдвинутых известным советским философом Г.С. Батищевым. Они оставляют субъек-

ту возможность самостоятельной деятельности во всех сферах жизни, включая и личный мировоззренческий поиск, и культуротворчество, активизацию коммуникативных функций, речевые особенности и многое другое, выступая «проколыбелью человеческой свободы, да и всех других атрибутов субъективности индивида» [15, с. 57].

Г.С. Батищев считал, что у такого индивида нет никакой фатальной зависимости от социального целого, что прежде всего проявляется в принципе свободы воли и устремленности в будущее, реализуемых через инновационную по сути творчески-созидательную деятельность. Эколого-природный аспект проявляется в активизации психофизиофункций человека в унисон творческо-поисковым ориентациям, что не может не отразиться на характере поведения, мимике, жестах, манере разговора, привычках и т.д. современников. Положительный симбиоз вышеотмеченных факторов закономерно способствует плодотворности действий, мышления личности, выражаясь в способности использовать свои силы и реализовать заложенные в человеке возможности, в том числе проявляющиеся в креативных способностях самоактуализирующихся личностей: смелости, свободе, волеизъявлении, цельности, принятии себя, ясности ума, которые, по мнению американского психолога А. Маслоу, делают принципиально возможной генерализованную креативность, затрагивающую все сферы жизни и проявляющуюся в креативной личности, креативных установках или креативном функционировании. Это и позволяет ей, по мнению психолога, выступать в качестве самостоятельного субъекта деятельности, а не ограничиваться ролью объекта управления, всецело зависящего от капризов руководства, мнений, оценок, суждений и иных социально детерминированных обстоятельств современного мира.

Вышеотмеченные характеристики особенно важны для молодых людей, только подходящих к порогу взрослой жизни и желающих сделать верные шаги в этом направлении. По этой причине как никогда актуальными становятся собственные размышления молодежи по поводу значимости для нее речевой практики в унисон конструктивных тенденций творческо-познавательных жизненных ориентаций.

Результаты социологического исследования, проведенного нами в 2015–2017 гг., выявили мотивацию выбора и соответствующий характер поведения учащихся старших классов трех общеобразовательных школ г. Минска, целью чего явилось определение значимости речевой деятельности в процессе становления творческо-познавательных ориентаций молодых людей.

Результаты опроса фиксируют не только мнения учащихся, но и стратегические ориентиры творческого развития будущей смены страны. 24 % респондентов согласились с тем, что чтение литературы, а затем пересказ вслух помогает развивать ум, волю, внимание. 22 % ответивших полагают, что умение правильно пользоваться речью дает возможность лучше понимать людей и мир вокруг нас. 16 % отметили, что речь позволяет человеку не только сообщать что-либо, но и образно, творчески представлять содержание беседы, т.е. глубже понимать суть предмета нашего внимания. 12 % молодых людей пришли к следующему выводу: проговаривание вслух выученных учебных материалов особенно полезно при подготовке к написанию контрольных, диктантов, сочинений, опросов, выступлений, экзаменов и иных форм самостоятельной работы с учебно-методическими материалами. 10 % учащихся согласились с предложенным вариантом, суть которого в том, что внутренняя речь (беззвучная) обостряет внимание, настраивает на творческое выполнение учебных и иных заданий, качественное завершение того дела, за которое взялся. Наконец, 16 % смело отметили, что им больше нравится набирать текст на клавиатуре, нежели писать его авторучкой.

Таким образом, подавляющее большинство подростково-молодежной категории учащихся в целом верно понимают значение речевой деятельности и желают, чтобы она не просто служила средством общения, коммуникационных связей, информацион-

ного обмена. По их мнению, главное – развитие творчески-познавательного базиса, способствующего накоплению и одновременно практико-ориентированному применению знаний. По сути дела, молодежь ставит жизненной целью знать и уметь, причем речевая практика здесь играет роль интеллектуально-информационного двигателя прогресса.

Естественно, результаты краткого социального опроса учащейся белорусской молодежи не могут в полной мере раскрыть содержание ее познавательно-творческих целевых установок, так сказать, «заглянуть в душу» и определить перспективы главной нашей заботы и надежды старших поколений страны. Юный человек переступает порог подростково-молодежной категории, раскрывая еще не ведомую ему гамму возрастного творческого потенциала. В такой достаточно короткий временной промежуток им овладевают несбыточные фантазии «сходящих со сцены» Гарри Поттера, Тома Сойера, Арбузика и Бебешки. На смену им приходят новые герои из легендарных книг Ж. Верна, А. Беляева, Г. Уэллса, А. Днепрова, В. Короткевича, завораживающие смекалкой, сообразительностью, азартом доблести и чести, где творческий порыв уже не тонет в эмоциях, а юные созидатели стараются найти оптимальный выход из создавшихся трудностей через чтение умных книг и записи интересных жизненных фрагментов. Детская беспечность уступает место рассудительности, сдержанной впечатлительности, устремленности в конкретизацию поставленных целей и решаемых задач. Эти настроения формируют мировоззренческие установки, акцентируя поиск на реальность решаемых задач и достижимость результатов с подсчетом потраченных на то усилий. Практицизм не каприз, а, скорее, вежа нынешнего рыночного подхода, о чем трубят все СМИ и о чем наши дети начинают узнавать не понаслышке. В этой связи всякого рода письмо на бумаге, т.е. письменность, незаслуженно притесняется телекоммуникационными монстрами. Тем не менее подростки, юноши читают, причем не только школьные учебники, пишут диктанты, контрольные и, к сожалению, достаточно редкие в наши дни сочинения. Так что, хоть им и мешают «сотворить кусочек творчества» на уроке, дома, но все-таки они оказались не безразличны к тому и проблемы речи тоже нашли свое отражение.

Заключение

Завершая краткосрочное исследование историко-философских оснований становления речевой практики наших предков и современных подходов активизации познавательно-творческих установок в содержании белорусского образования, следует акцентировать внимание на конструктивных методах психофизиологического и семантического характера.

1. Исходя из биолого-природных основ человеческой эволюции, наша жизнь, а значит, культура и речь строго обусловлены ритмической организацией жизнедеятельности. С момента рождения нам закономерно свойственна ритмичность, что проявляется в пантомимике плюс к тому – ритмы сердца, сменяемость бодрствования сном, циркулирование крови в организме и многое другое. Уже на 12-й неделе внутриутробного развития включается слуховое и вестибулярное восприятие, которое предопределяет не только сенсорное развитие, но и ритмическую организацию коры головного мозга. Ритм, тембр речи матери тесно связаны с ее эмоциональным состоянием и напрямую влияют на состояние плода. Ритм материнской речи в сочетании с покачиванием младенца на руках в этом ритме, а также с его аудиовербальными и зрительными впечатлениями создает условия для активного сенсомоторного развития ребенка. «Уход от прямого общения с детьми в пользу комфортного состояния родителей, – проявляет озабоченность психолог В.В. Степанова, – (памперсы, просмотр видео, слушание аудиозаписей не только малышами, но и детьми – это сегодня модно и весьма распростра-

нено) приводит к тяжким последствиям в становлении зрительного, моторного и речевого развития» [16, с. 111].

В наши дни редко в школах, колледжах, гимназиях и т.п. встречаются уроки, пронизанные синхронизацией движения и речи. Ушли безвозвратно в прошлое методики, включающие программы разнообразных движений под ритмически организованную речь (считалку, потешку, песенку), что издревле было характерно для традиций славянской культуры в форме хороводных игр, праздничных гуляний, обрядовых спевов и др. мероприятий. По мнению отечественных психологов, работа в области речеобразовательной практики должна начинаться с овладения речедвигательной синхронизацией каждым учеником, для чего ему необходимо научиться сопровождать свою речь ритмическими движениями рук и ног. В помощь отмеченному различные ударные инструменты – маракасы, ложки, трещетки и др. – способствуют выработке синхронизации движений в такт, ритмике, сопровождающихся речевыми фоноэффектами – пением, речитативным изложением и т.п.

На наш взгляд, лучшее средство становления ритмических функций организма – танцевальные движения под музыку через внутреннее (про себя) проигрывание слышимых мелодий. И неважно, какой это танец – бальный, спортивный, атлетический. Важен процесс впитывания, пропускания музыки через сознание в сочетании с ритмическими движениями строгого плавного венского вальса, неприхотливого, упрощенного вальса Бостон, зажигательной самбы, резко-угловатой румбы, пластичного пасадобля, завораживающего парижского танго, дерзко-вызывающего аргентинского танго и отчаянной белорусской польки.

2. «Адекватное восприятие и воспроизведение текстовых учебных материалов, умение давать развернутые ответы на вопросы, самостоятельно излагать свои суждения, – подчеркивает значимость разговорной речи белорусский учитель-дефектолог Л.Н. Савко, – все эти и другие учебные действия требуют достаточного уровня развития связной речи (диалогической и монологической)» [17, с. 44]. Дело в том, что разговорная (звуковая) речь в научно-педагогическом лексиконе именуется термином – связная речь, т.е. последовательно, связно составленные предложения, имеющие начало и логическое завершение смыслового содержания. «Значительные трудности в овладении навыками связной речи у детей, подростков... обусловлены недоразвитием основных компонентов языковой системы – фонетико-фонематического, лексического, грамматического, недостаточной сформированностью как произносительной (звуковой), так и семантической (смысловой) сторон речи» [17, с. 44].

Родителям, учителям, самим учащимся необходимо усвоить следующее: сочетание навыков разговорной, письменной речи и др. желательно соотносить с семантикой, тем самым содержательно наполняя их смысло-логическими размышлениями, анализом, выводами, заключениями и т.п. В этом суть речевого творчества, путь целенаправленного формирования системы социально-познавательных ценностей, стимулирующих физические, интеллектуальные, духовно-нравственные жизненные цели учащейся молодежи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М. : Лабиринт, 1999. – 350 с.
2. Солсо, Р. Л. Когнитивная психология / Р. Л. Солсо. – М. : Тривола, 1996. – 598 с.
3. Штерн, В. Психология раннего детства до 6-летнего возраста / В. Штерн. – Петроград : 26-я Гос. тип, 1922. – 280 с.

4. Брушлинский, А. В. Кризис общества мобилизует или разрушает личность? [Электронный ресурс] / А. В. Брушлинский. – Режим доступа: <http://nnmoiseev.ru/st0004.htm>.
5. Mellaart, J. Earliest Civilizations of the Near East / J. Mellaart. – London, 1965.
6. Клягин, Н. В. На дистанции становления и в пространстве жизни человека / Н. В. Клягин // Мир психологии. – 2009. – № 1. – С. 176–187.
7. Клягин, Н. В. Современная научная картина мира : учеб. пособие / Н. В. Клягин. – М. : Логос, 2007. – 263 с.
8. Million-year-old stone tools and associated bones from OGS-6 and OGS-7, Gona, Afar, Ethiopia / S. Semaw [et al.] // J. of Human Evolution. – 2003. – Vol. 45, № 2. – P. 169–177.
9. Мунчаев, Р. М. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии / Р. М. Мунчаев. – М. : Наука, 1981. – 319 с.
10. Альбедиль, М. Ф. Индуизм: творящие ритмы / М. Ф. Альбедиль. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 256 с.
11. Зубко, Г. В. «В начале было Слово...», и Слово дало начало словам / Г. В. Зубко // Мир психологии. – 2014. – № 2. – С. 105–109.
12. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1973. – 424 с.
13. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1979. – 815 с.
14. Юнг, К. Психологические типы / К. Юнг. – М. : Прогресс-Универс, 1995. – 716 с.
15. Батищев, Г. С. Социальные связи человека в культуре / Г. С. Батищев // Культура, человек и картина мира : сб. ст. / АН СССР, Ин-т философии. – М. : Наука, 1987. – 350 с.
16. Степанова, В. В. Путь к слову / В. В. Степанова, Н. Н. Толстых // Мир психологии. – 2014. – № 2. – С. 110–121.
17. Савко, Л. Н. Моделирование и наглядность как средства становления связной речи у детей с общим недоразвитием речи / Л. Н. Савко // Спец. адукацыя. – 2010. – № 4. – С. 44–47.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.02.2019

Onuprienko S.P. Philosophical and Historical Base of Formation of Speech Culture in the Context of Creative-Educational Orientations of Students

In the article, there was made an attempt of scientific research of theoretical-methodological, historical-ethnographic characteristics of formation of speech activity and speech culture in the process of formation of human civilization at different stages in the dynamics of social events of the ancient world. The above-mentioned problem is considered in the context of the sensitive-social analysis of formation of creative-cognitive orientations of adolescents and young people in Belarus. There was offered the author's vision and relevant recommendations for improvement of speech practice of students and appropriate methods to enhance the creative potential of studying youth.